

УДК 821.133.1-31
ББК 84(4Фра)-44
С28

Elle Seveno
6 ANS

Печатается с разрешения
Hugo Publishing и агентов Books And More Agency
#BAM, Paris, France
All rights reserved.

Оформление обложки *Екатерины Климовой*

Севено, Эль.

С28 Шесть лет: [роман] / Эль Севено; пер. с фр.
К. Воробьевой. — Москва: Издательство АСТ,
2023. — 320 с. — (Запретное желание).

ISBN 978-5-17-151913-1

Шесть лет разделяют Викторию и Рафаэля. Шесть лет разницы достаточно, чтобы Виктория, будучи подростком, так и не поняла, как сильно ее любит юный Рафаэль, и смотрела только на его более привлекательного старшего брата. Прошло шесть лет с тех пор, как Виктория уехала из города со своей семьей, оставив в отчаянии парня, за которым присматривала. Когда Виктория возвращается спустя годы, Рафаэлю требуется всего шесть секунд, чтобы снова влюбиться в нее. Вот только он уже не ребенок и намерен доказать ей это.

УДК 821.133.1-31
ББК 84(4Фра)-44

© 2019, New Romance, Département de Hugo
Publishing

В оформлении макета использованы
материалы по лицензии ©shutterstock.com

© Воробьева К., перевод на русский язык

© ООО «Издательство АСТ», 2023

ISBN 978-5-17-151913-1

ПРОЛОГ

Вик

Моя бабушка была далека от религии. Она не верила в Бога. И всегда повторяла: ей не нужна вера, чтобы с добротой относиться к людям, чтобы видеть в них лучшее. Возможно, именно поэтому у нее было так много друзей.

Ритуальный зал в похоронном бюро переполнен. Далеко не все желающие смогли попасть внутрь. Поскольку бабушка прожила в этом городе всю жизнь, вполне нормально, что у нее появилось столько знакомых, но казалось, будто каждый житель решил попрощаться с ней. Она умерла на прошлой неделе в своей лавке. И меня не было рядом. Я не приезжала сюда шесть лет, но, не раздумывая, вернулась. Меня переполняло сожаление.

Отчасти я завидую всем этим людям: они были с ней последние годы, они могли смеяться вместе с ней... За эти шесть лет я разговаривала с бабушкой только по телефону. Расстояние не мешало ей делиться со мной своей жизнерадостностью

и вдохновляющим взглядом на мир... Но все равно этого было мало.

Хотя я знаю причины ее разлада с моим отцом и сестрой, мне всегда было грустно от того, что мы уехали. Что теперь я не буду видеть ее каждый день. Повзрослев, я могла — нет, должна была — найти время, чтобы отстоять свой выбор и приехать к ней, как и хотела. Но учеба, затем запуск моей компании и ее закрытие спустя несколько лет всегда заставляли меня откладывать этот момент. Я неправильно расставила приоритеты: семья превыше всего. Потеряв бабушку, лишившись возможности снова обнять ее, я осознала, что никогда не сумею восполнить свое отсутствие... Она часто говорила, что ей хорошо одной, без мужа или ухажера. Но без сына и внушек? Сомневаюсь.

— Ты в порядке, Вик?

Единственное, что я отчетливо вижу сейчас, — это рука моей лучшей подруги.

— Да.

Жюли настояла на том, чтобы поехать вместе со мной. Для нее было немыслимо отпустить меня сюда одну, а мой отец категорически отказался от поездки. Даже теперь, когда его мать умерла, он все еще не хочет о ней слышать... Папа все оплатил, но поручил мне заниматься организацией, не задавая вопросов. Я ничего особенного не делала: было бы лицемерно, если бы вся наша семья собралась здесь, поэтому я позволила близким друзьям бабушки говорить за меня и устроилась во втором ряду, рядом с Жюли. Она регулярно сжимает мое бедро, как бы напоминая мне о своем присутствии. Все проходит так быстро... За два часа я только произношу «до свидания», «спаси-

бо», «мы всегда будем думать о тебе». А потом все заканчивается. Навсегда.

Я оказываюсь перед запечатанной урной, на кладбище, где никогда раньше не была, хотя и провела — за исключением последних шести лет — всю свою жизнь в этом городке, в самом сердце гор.

— Может, вернемся в дом моих родителей? — спрашивает Жюли, когда мы остаемся одни.

Я молча киваю. Мне не удастся вымолвить ни слова. Я даже не плакала. Не потому, что не скорблю, а потому, что не так я хочу почтить память бабушки. Кроме гнева, охватившего меня в день ее смерти, я помню только ее жизнерадостность. Она никогда не боялась умереть. Бабушка всегда жила настоящим, и я надеюсь, что смогу научиться наслаждаться жизнью день за днем.

Моя лучшая подруга берет меня за руку, чтобы увести отсюда. Она тоже выросла здесь. Мы познакомились в школе и с тех пор никогда не расставались. Когда я уехала, Жюли дождалась, пока мы с семьей не устроимся в городе неподалеку, и поступила в колледж совсем рядом с нашим домом. Она регулярно приезжала навестить своих родителей и, пользуясь возможностью, рассказывала мне последние сплетни о наших общих друзьях...

Завтра мы уезжаем. *И то, что я не успела попроститься с бабушкой лично...*

— Привет, Вик!

Я оглядываюсь на стоящего в конце аллеи человека, который только что меня окликнул. Брис. Моя подростковая любовь. Я сразу узнаю его, ведь он почти не изменился. Вместо мальчишки-бунтаря передо мной теперь более взрослая версия

того парня. На нем строгий черный костюм, какие обычно надевают для торжественных случаев.

Как долго он здесь стоит?

— Брис! — восклицает Жюли.

Они долго обнимают друг друга, прежде чем он поворачивается ко мне. Я смотрю на этого парня, с которым была так близка раньше, но сегодня он кажется мне незнакомцем. В наше время легко поддерживать связь, но Сеть и я — вещи несоместимые. Я использую ее для работы, и не более того. Сначала мы с Брисом обменивались сообщениями: длинными письмами, где рассказывали о своей жизни, о наших сожалениях... Мы всегда знали, что происходит в жизни другого, не пытаясь вдаваться в подробности, как будто постепенно разрушая мосты. Брис мог бы стать просто прохожим или знакомым из другого времени, которому достаточно ответить вежливой улыбкой, а потом пройти мимо, но это не наш случай. По его глазам я вижу, что время и расстояние не изменили привязанности, которая нас соединяет. Когда Брис раскрывает объятия, я повторяю за своей лучшей подругой. Так странно снова уткнуться ему в грудь и не узнавать его запах, тогда как в восемнадцать лет я могла часами прижиматься к нему.

Мы провели детство и юность на расстоянии двух кварталов друг от друга. Занимались своими делами и посещали среднюю школу с друзьями, которых знали с пеленок. Никто не удивился, когда мы начали встречаться... И вот теперь мы здесь, впервые видимся после долгих лет разлуки.

— Я рад, что ты вернулась, — говорит Брис с грустным выражением лица.

— Я тоже. Твоих братьев здесь нет? — спрашиваю я, удивленная тем, что он пришел один.

Раньше их троица всегда находилась в центре событий. Льюис, будучи всего на два года младше, входил в нашу компанию, и Раф, потому что он следовал за нами повсюду...

— Льюис не смог приехать, у него много работы, но он передает свои соболезнования. Раф пришел на церемонию, но после был вынужден уйти. Он хотел передать тебе что-то, видимо, что-то очень важное, и я предложил ему свою помощь. А еще мне не терпелось узнать, как ты.

— Когда-нибудь станет легче, — отвечаю я, ободряюще улыбаясь.

Я беру сверток, который он мне протягивает, — картонный конверт — и, не оттягивая момент, открываю его. Внутри рамка с фотографией, сделанной в канун Нового года, который мы встречали все вместе: мой отец, мы с сестрой, бабушка, Брис, Льюис и Раф с мамой. Последнее Рождество. Пока все не испортилось и мы не уехали.

— Прекрасно, — еле слышно говорю я, рассматривая лица на фотографии, сосредоточившись на моей бабушке и тринадцатилетнем мальчике, сидящем с нами.

Я помню ребенка, с которым нянчилась, когда его мать работала допоздна. Помню его угрюмое лицо, когда Брис слишком сильно его дразнил, его смех, когда мы устраивали вечер игр, и Раф пытался объединиться со мной.

Я представляю, как этот маленький мальчик упаковывает фото. *Даже если он больше не выглядит как маленький мальчик...*

— Он любил твою бабушку.

Я глажу снимок, хватаясь за наши общие воспоминания. Все эти игры в прятки, фильмы ужасов, которые мы тайком смотрели, городские балы,

куда ходили вместе, лыжные спуски, как только открывались трассы, послеобеденные катания на санках...

— Я не знала. Мой отец оставил всех...

— Мне кажется, Раф все понимал. Он специально сохранил фото.

— Он поступил правильно.

Я тронута тем, что обо мне так позаботились.

— Мне надо подойти к маме, — смущенно объясняет Брис. — Был рад пообщаться с тобой, хотя хотелось бы, чтобы наша встреча произошла при других обстоятельствах. Если решишь приехать, позвони мне, хорошо?

Я киваю с печальной улыбкой, и Брис снова обнимает меня.

— Надеюсь, скоро увидимся, — шепчет он мне на ухо.

— Я тоже на это надеюсь, — отвечаю я по привычке.

Он смотрит на меня в последний раз, а затем уходит.

ГЛАВА 1

Вик

Я поднимаю металлический занавес — он издает совершенно отвратительный скрежет.

Лето в самом разгаре, на мне только майка, короткие шорты и легкие теннисные туфли, но от палящего зноя на спине уже появилась испарина. Летний сезон здесь всегда был жарким. *Страшно представить, какая температура внутри...*

Солнечные лучи падают на грязные окна лавки. Я провожу рукой по одному из них, вытирая пыль, и смотрю на то, что ждет меня впереди. Я вижу маленький стол, который раньше был прилавком моей бабушки, где стояла касса. Я чувствую укол грусти, когда представляю бабушку за швейной машинкой или с вязальными спицами. Она всегда работала. В свои восемьдесят лет Нану — она всегда хотела, чтобы ее называли только так, — бросала вызов всем, кто говорил ей, что пора отказаться от этой *нелепой* идеи. Я до сих пор слышу, как она произносит это слово в нашем телефонном разговоре.

Открыв дверь, я подпираю ее, чтобы она не захлопнулась. Помещение нужно проветрить. Лавка несколько месяцев простояла закрытой, заполненная лишь старыми вещами. Она не очень большая, пять метров на восемь, не больше. Вполне вмещается несколько стеллажей с бижутерией и вешалок с одеждой, которую выбирают — точнее, выбирали — женщины среднего возраста. Среди всех коллекций я так и не смогла подобрать подходящую для себя вещь. Они казались слишком вычурными для меня. Но бабушка пользовалась большим успехом среди своих местных друзей.

Меня охватывает ностальгия, и я представляю себя в детстве, с сестрой, вспоминая, как каждую среду мы крутились у Нану под ногами, когда она нянчилась с нами, а потом наконец-то принимаюсь за работу.

Похороны состоялись, кажется, будто только вчера, но прошло уже несколько месяцев, и я получила в наследство... это.

Сначала мысль о переезде сюда не вызвала у меня восторга: я боялась жить вдали от отца и сестры, но потом хорошенько все обдумала и поняла, что мне нужен проект, чтобы восстановиться после провала моей компании. И вот я здесь, готова закрыть петлю прошлого, которое слишком неожиданно вынудило нас покинуть родные места.

Я всегда любила этот край, ощущение необъятности вокруг нашего городка, где все друг друга знают. Я частенько тосковала по нашим горам, по уютной атмосфере, которая царит здесь в любое время года, и неважно, приехали туристы или нет.

Я как раз разбираю старые вещи, когда кто-то стучит в дверь.

— Думал, ты приедешь только на следующей неделе!

Я улыбаюсь, узнав голос, а затем вижу знакомое и, как всегда, красивое лицо Бриса. Он выглядит так же, как и полгода назад: волосы длиннее, чем раньше, завиваются над ушами, и у него такой пылкий взгляд, от которого девушки всегда сходили с ума. Я высокая, но он — обладатель шести футов* мускулов и мужественности. Брис по-прежнему выглядит таким же опрятным и элегантным, каким я видела его на похоронах. В девятнадцать он носил мешковатую одежду и катался на скейтборде, а сейчас похож на офисного клерка: брюки прямого покроя и рубашка с закатанными рукавами.

Смерть моей бабушки побудила нас возобновить общение, которым мы долго пренебрегали.

— Я тоже так думала, но мне не терпелось разобратся со всем этим, — весело отвечаю я, указывая на беспорядок вокруг себя.

Мои руки заняты старой одеждой, которую я складываю в коробки. Подойдя к Брису, чтобы поцеловать его, я понимаю, что запах в помещении не очень приятный. Я осматриваю комнату, потому что здесь слишком сыро, чересчур сыро, и обнаруживаю большие желтые разводы на потолке. Не думаю, что у бабушки было хорошее зрение. И не знаю, в каком состоянии она находилась перед тем, как покинула нас. Я регулярно звонила ей, но она не обсуждала со мной свои проблемы. Нану была не из тех, кто жалуется. Даже на сына, который не разговаривал с ней несколько лет. Я стала посредником между ними. С одной

* 182 см.

стороны, он был слишком мрачным, а она — слишком жизнерадостной. Я всегда видела в бабушке оптимистичную женщину, которая любила жизнь и то, чем занималась. Отец затаил обиду, а упрямица Нану никогда не извинялась, если считала себя правой... После произошедшего с Эмелин, достаточно было сказать несколько неосторожных слов, чтобы все вспыхнуло как спичка.

— Как прошла твоя поездка? — спрашивает Брис, возвращая меня к реальности.

— Если можно так назвать поездку на старой развалюхе без усилителя руля и кондиционера... То да, поездка удалась. — Мы обмениваемся понимающими улыбками. Он хорошо знает эту машину, она принадлежала моей матери: настоящий динозавр среди всех новых автомобилей, выпускаемых в наши дни. Мой отец так и не нашел в себе силы расстаться с ним, и я просто отремонтировала машину и оставила себе.

— Вижу, ты не теряешь времени даром, — показывает Брис на несколько коробок, которые я сложила в лавке.

— Планирую приступить к ремонту как можно скорее, — я пожимаю плечами. — У меня много планов, так что лучше не затягивать.

— Разве тебе нечем заняться дома?

— Нет.

Между нами воцаряется тишина, пока я продолжаю суетиться.

— Ты уже была в квартире? Там есть над чем потрудиться.

— Нет, еще нет.

Жестом я приглашаю его следовать за мной наверх.

— Нану была милой, но у нее напрочь отсутствовало чувство вкуса, — с нежностью замечает Брис, оглядываясь по сторонам, пока мы поднимаемся по лестнице.

— Я не понимаю, неужели тебе не нужна парусиновая шляпа, которая защитит тебя от солнца, или меховая шубка? — иронизирую я.

Мы разговариваем друг с другом так, будто расстались лишь вчера. Минуло шесть лет, но Брис все тот же, возможно, чуть менее пылкий. На первый взгляд.

Я достаю ключ от входа на этаж из заднего кармана шорт. Когда я поворачиваюсь, мне кажется, что Брис смотрит на мой зад, но, возможно, мне просто показалось. На лестнице темно. Так что я, наверное, ошиблась.

В квартире длинный и довольно широкий коридор, соединяющий все комнаты. Кухня с одной стороны и гостиная — с другой. Я морщю нос от затхлого запаха. Неужели никто из ее друзей не мог прийти и проветрить комнаты? А может, бабушка никогда не открывала окна...

Продвигаясь вперед, чувствую под ногами нечто странное. словно иду по мокрому мху. Я смотрю на ковер на полу.

— Что за...

Он пропитан водой! Перехожу от совмещенной со столовой гостиной, где до сих пор валяются безделушки, горы книг и стоит стол из красного дерева, к кухне, где безуспешно ищу прорвавшуюся трубу.

— Видимо, вода бежит с чердака, — Брис указывает на еще одно пятно на потолке.

— Водонагреватель, — вспоминаю я, заметив дразнящий меня люк.

Вода, должно быть, капала с чердака и просачивалась сквозь стены на пол... *Только этого мне не хватало!*

— Там много повреждений! — восклицает Брис, двигаясь вперед, как и я, навстречу катастрофе. — У меня есть знакомый сантехник, он быстро приедет. Сейчас позвоню ему.

Я киваю, когда он отходит в другую комнату, чтобы позвонить.

Размещаю все, что могу, повыше: стулья на стол в гостиной, книги со дна книжного шкафа, видеомагнитофон на подставку для телевизора. *ВИДЕОМАГНИТОФОН? Эта штука, наверное, уже не работает!*

— Знакомый придет через десять минут, — вернувшись, обнадеживает меня Брис. — Он проверит, в чем дело, можно ли отремонтировать водонагреватель или нет. Но, учитывая повреждения, он считает, что уйдет несколько дней, пока вся влага не испарится.

— Как будто мне мало забот...

Я провожу руками по лицу, а затем по задней части шеи. Неожиданно объем работ по ремонту лавки и квартиры моей бабушки кажется огромным. И я совсем одна. Теперь работа займет больше времени. О том, чтобы спать здесь, не может быть и речи.

— Тебе есть где переночевать? — спрашивает Брис, как будто прочитав мои мысли.

— Нет. Я планировала заселиться сюда и приступить к делам... Но, вижу, мне придется снять номер в гостинице.

— Или можешь пойти к нам. Мы просто выселим Рафа из его комнаты.

— Ты все еще живешь с родителями?

— Ага...

Он чешет затылок, немного смущаясь.

— Мама чувствует себя не очень хорошо. Мы с Рафом решили остаться дома, пока ей не станет лучше.

Его мама... Я помню, как чуть больше восьми лет назад мы узнали, что у нее рак. В итоге Раф расплакался в моих объятиях. Вердикт врача был однозначным: рак груди, операция по удалению и по возможности хирургическое восстановление.

Мне было грустно, точно речь шла о моей собственной матери, грустно за эту женщину, которую лишили части ее женственности и которая испытывала страх. Их мать — воплощение доброты. Борец и труженица, она жертвовала собой ради своих детей. Такой исход был несправедливым. Жизнь так часто бывает *несправедлива*. Тем не менее, когда я уехала, у нее была ремиссия.

— Она все еще болеет?

— Да, — вздыхает Брис. — Рецидив. Пока мы не удостоверимся, что она справится с этим дерьмом, будем рядом с ней.

Я отвожу взгляд. Не люблю показывать свою печаль. Мне никогда не нравилось это чувство.

— Не стану навязываться вам, если ей плохо. Не говоря уже о том, чтобы занимать комнату твоего младшего брата, — возражаю я.

— Уверен, что моя мама будет рада видеть тебя! Раф всегда жил в роскоши — у него своя комната. Нам с Льюисом пришлось расти на десяти квадратных метрах. Пришло время для маленькой мести!

Я хихикаю. Правда, что он и Льюис часто жаловались на домашнего «любимчика». Мне нравится их квартира. Помню, что там было очень весело: особенно вечера с няней, когда Раф всячески

старался остаться со старшими. Этот парень заставлял меня смеяться. Я не могу дождаться, чтобы узнать, насколько он изменился.

— Ладно, хорошо. Я поживу у вас, пока в бабушкиной квартире все не наладится. Только если твоя мама согласна!

— О, отлично. Ну, осталось только дождаться сантехника, а потом я отвезу тебя. Но, может, сначала выпьем?

— Давай. С удовольствием.